

ФЕДОРЪ ИВАНОВИЧЪ ШАЛЯПИНЪ

1873 1938

Федоръ Ивановичъ Шаляпинъ родился 14 (1) февраля 1873 года въ Казани, въ семьѣ писца уѣздной управы. Первоначальное образование получилъ въ городской школѣ. Этимъ и закончилось общее образование великаго артиста, не прошедшаго и впоследствии курса ни въ одномъ учебномъ заведеніи, ни общеобразовательномъ, ни музыкальномъ. Такимъ образомъ, исключительная культура Шаляпина — дѣломъ его собственныхъ рукъ.

Пѣть началъ Шаляпинъ, поступивъ пѣвчимъ въ архіерейскій казанскій хоръ. «Жалованье» въ хорѣ было небольшое — 3 - 4 рубля въ мѣсяцъ, такъ что молодому Шаляпину приходилось подрабатывать на сторонѣ — носильщикомъ на вокзалѣ, грузчикомъ на волжскихъ пристаняхъ. Все же это было лучше, чѣмъ судьба подмастерья у сапожника, куда опредѣлили Ф. И. родители и откуда онъ сбѣжалъ, покинувъ одновременно и семью, гдѣ царилъ атмосфера тяжелой нужды.

Въ 1890 году, 17 лѣтъ отъ роду Шаляпинъ покинулъ Казань, приставъ къ бродячей труппѣ, съ которой онъ уѣхалъ въ Уфу.

Странствуя изъ города въ городъ, Ф. И. въ 1892 г. попадаетъ на Кавказъ, гдѣ получаетъ дебютъ въ оперѣ, въ «Жизни за Царя».

Въ 1894 году Ф. И. попадаетъ впервые въ Петербургъ, поетъ сначала въ «Акваріумѣ»

и въ Панаевскомъ театрѣ. Въ томъ же году Шаляпинъ получаетъ закрытый дебютъ въ Маринскомъ театрѣ и принимается въ труппу, гдѣ, впрочемъ, остается очень короткое время — всего одинъ сезонъ. Въ этотъ моментъ происходитъ его знакомство съ С. И. Мамонтовымъ, сразу угадавшемъ въ скромномъ молодомъ пѣвцѣ будущаго мірового гения.

Ф. И. вступаетъ въ мамонтовскую труппу и въ скоромъ времени дѣлается кумиромъ Первостольной.

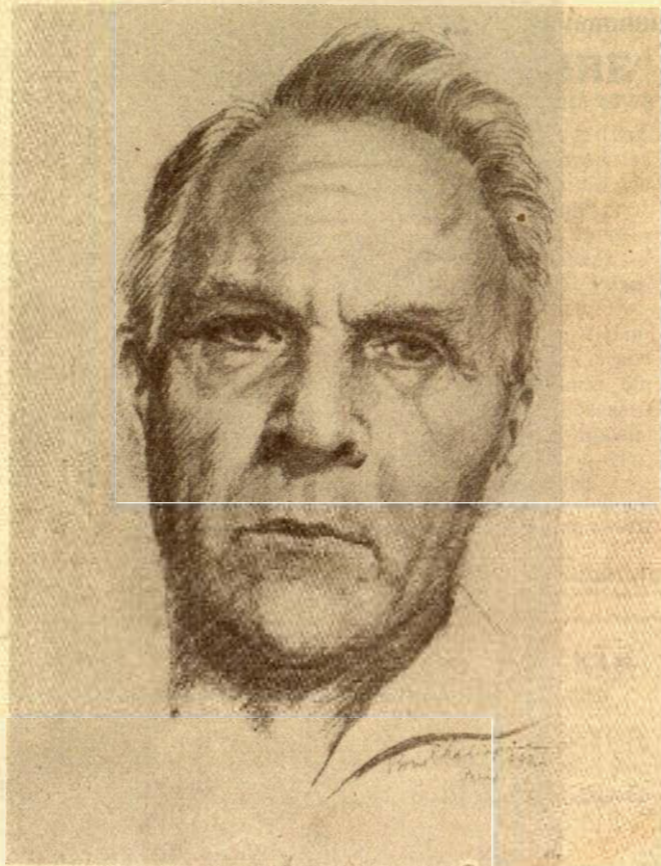
Въ 1899 году Ф. И. подписываетъ свой второй контрактъ съ Императорскими театрами, но на этотъ разъ съ неслыханнымъ по

тѣмъ временамъ окладомъ — 60.000 рублей въ годъ.

Къ этому времени относится работа и создание Шаляпинымъ «Бориса Годунова» и можно сказать, что своей всемірной славой Мусоргскій почти дѣлкомъ обязанъ гениальному пѣвцу.

Въ 1902 году Ф. И. въ миланской «Скала» создаетъ бойцовскаго «Мефистофеля». Отсюда начинаются странствования артиста по всему свѣту: Парижъ, Монте - Карло, Буэнос - Айресъ, Нью - Йоркъ идутъ на смену одинъ другому.

Сезонъ 1913 - 14 г. г. Шаляпинъ провелъ въ Лондонѣ, гдѣ имъ и сэромъ Томасомъ

Справа:

Портретъ Ф.И. Шаляпина работы художника Б. Ф. Шаляпина, сына артиста.

Слѣва:

Ф. И. Шаляпинъ въ 1894 году. Съ рѣдкой фотографіи, любезно предоставленной редакціи семьей Федора Ивановича.

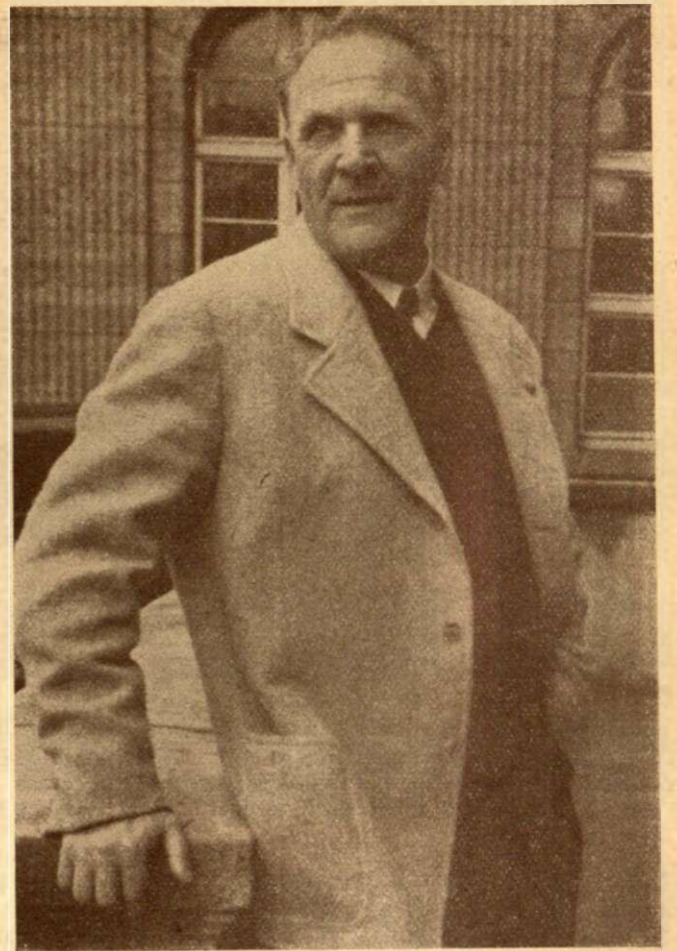
Бичомомъ быть созданъ самый блестящій за всю исторію лондонской оперы сезонъ.

Шаляпинъ возвращается въ Россію въ началѣ европейской войны и попадаетъ за границу снова въ 1921 году, когда онъ даетъ въ лондонскомъ Альберт - Холлѣ серію концертовъ въ пользу русскихъ голодающихъ. Встрѣча съ Европой была сплошнымъ триумфомъ.

Остальная жизнь Ф. И. прошла здѣсь въ эмиграціи, на нашихъ глазахъ. Постоянной базой артиста былъ его домъ на авеню Эйлау, куда онъ каждый разъ возвращался послѣ долгихъ странствій по всемъ частямъ свѣта, до Китая и Японіи включительно.

Исключительной крѣпости организмъ Ф. И. былъ послѣдніе годы подтачиваемъ сахарной болѣзнью, осложнившейся послѣдніи недѣли злокачественнымъ блокроемъ.

О ШАЛЯПИНѢ

Одинъ изъ послѣднихъ портретовъ Ф. И. Шаляпина.

Шаляпинъ, Чеховъ и «верблюды».

Въ Москвѣ когда-то говорили, что Шаляпинъ дружитъ съ писателями въ лицу Собиннову, который соперничалъ съ нимъ голосомъ: говорили, что тяга Шаляпина къ писателямъ объясняется вовсе не его любовью къ литературѣ, а желаніемъ слыть не только знаменитымъ пѣвцомъ, но и «передовымъ человѣкомъ», идейнымъ, общественнымъ, — пусть моль сходитъ съ ума отъ Собиннова та публика, которая во все времена и всюду сходилла и будетъ сходить съ ума отъ теноровъ. Думаю, что Шаляпина тянуло къ намъ вполне безкорыстно. Помню, напримѣръ, какъ горячо хотѣлъ онъ познакомиться съ Чеховымъ, сколько разъ говорилъ мнѣ объ этомъ. Я наконецъ спросилъ:

— Да за чѣмъ же дѣло стало?

— За за тѣмъ, — отвѣчалъ онъ, — что Чеховъ нигдѣ не показывается, что все пѣть случая представится ему.

— Помилуй, какой для этого нуженъ случай! Возьми извозчика и поѣзжай.

— Но я вовсе не желаю показаться ему нахаломъ! А кромѣ того, я знаю, что я такъ оробѣю передъ нимъ, что покажусь еще и совершеннымъ дуракомъ.

— Ну, полно, это ты сейчасъ дурака валяешь.

— Богъ свидѣтель, несколько не валяю. Вотъ еслибъ ты свезъ меня какънибудь къ нему...

Я не замедлилъ сдѣлать это и убѣдился, что все было правда: войдя къ Чехову, онъ покраснѣлъ до ушей, сталъ что-то бормотать... А вышелъ отъ него въ полномъ восторгѣ:

— Ты не повѣришь, какъ я счастливъ, что наконецъ узналъ его, и какъ очарованъ имъ! Вотъ это человѣкъ! Теперь на всехъ прочихъ буду смотрѣть какъ на верблюдовъ.

— Спасибо, — сказала я, смѣясь. Онъ захохоталъ на всю улицу.

Все права сохранены.
Copyright by Ivan Bunin.

Есть знаменитая фотографическая картинка, — знаменитая потому, что она, въ видѣ открытки, разошлась въ свое время въ сотняхъ тысячахъ экземплярахъ, — та, на которой сняты Андреевъ, Горькій, Шаляпинъ, Скиталецъ, Чриковъ, Телешовъ и я. Мы сошлись однажды на завтракъ въ московскомъ нѣмецкомъ ресторанѣ «Альпійская роза», завтракали долго и весело и вдругъ рѣшили ѣхать сниматься. Тутъ мы со Скитальцемъ сперва немножко поругались. Я сказалъ:

— Опять сниматься! Все снимаеся! Сплошная собака съ свадьба.

Скиталецъ обидѣлся:

— Почему же это свадьба, да еще собака? — отвѣтилъ онъ своимъ грубо-наганнымъ басомъ. — Я, напримѣръ, собакой себя никакъ не считаю, не знаю, какъ другіе.

— А какъ же это назвать иначе? — сказалъ я ему. — Плетъ у насъ сплошной пиръ, праздникъ. По вашимъ же собственнымъ словамъ, «народъ пухнетъ съ голоду», Россія гибнетъ, въ ней «всякія напасти, внизу власть тьмы, а наверху тьма власти», надъ ней, «гордо рѣетъ буревѣстникъ, черной молніи подобный», а что въ Москвѣ, Петербургѣ? День и ночь праздникъ, всероссійское событіе за событіемъ: новый сборникъ «Знанія», новая пьеса Гамсуна, премьера въ Художественномъ театрѣ, премьера въ Большомъ театрѣ, курьезски падаютъ въ обморокъ при видѣ Станиславскаго и Качалова и

всѣхъ вашихъ милостей, лихачи мчатся къ Яру и въ Стрѣльну...

Никто прозвалъ себя въ мірѣ скитальцемъ
И по трактирамъ скитался
дѣйствительно...

Дѣло грозило перейти въ крупную ссору, но тутъ поднялся общій смѣхъ, Шаляпинъ закричалъ:

— Браво, правильно! А все таки айда, братцы, увѣковѣчивать собачью свадьбу! Снимаемся мы, правда, частенько, да надо же чтонибудь потомству оставить послѣ себя. А то пѣлъ, пѣлъ человѣкъ, а померъ и крышка ему.

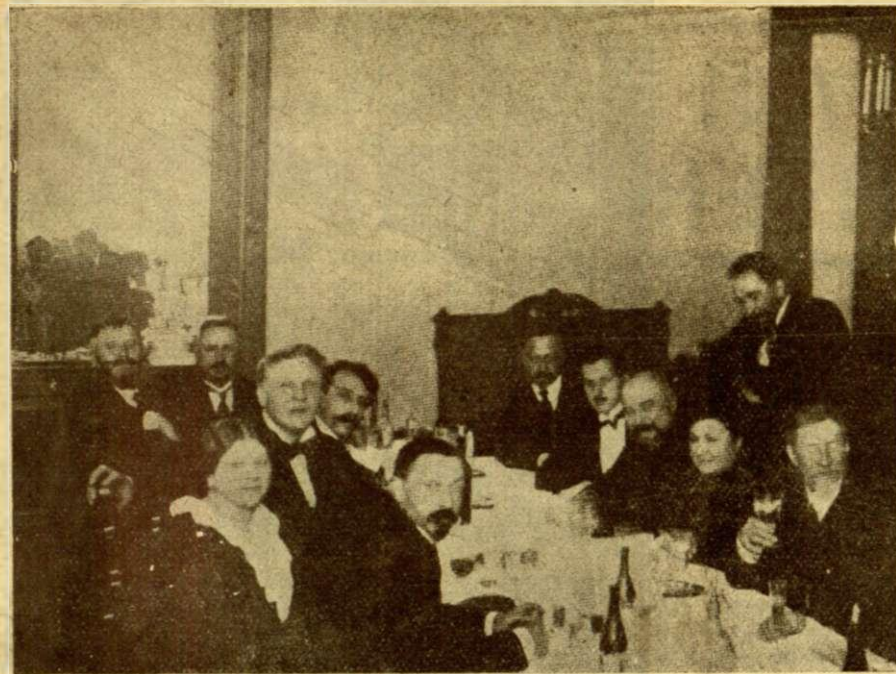
— Да, — подхватилъ Горькій, — писалъ, писалъ — и скончалъ.

— Какъ напримѣръ я, — сумрачно сказалъ Андреевъ, — Оказавъ въ первую голову.

Онъ это постоянно говорилъ, все жаловался на сердце, на ужасныя головныя боли. И пророчество его, увы, оправдалось.

Все считали Шаляпина очень лѣвымъ, даже революционеромъ, ревѣлъ отъ восторга, когда онъ пѣлъ «Марсельезу» въ концѣ «Двухъ Гренадеровъ» или «Блоху», въ которой тоже усматривали нечто революціонное, сатанинское издѣвательское надъ королями:

Былъ былъ король когда-то,
При немъ блоха жила...

УЖИНЪ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ХУДОЖЕСТВЕННО - АРТИСТИЧЕСКОМЪ КРУЖКЪ.

Справа сидятъ: — И. Е. Рѣпинъ, М. Н. Муромцева, художн. Мясоедовъ и Ю. А. Бунинъ; стоитъ — С. С. Мамонтовъ (сынъ С. И. Мамонтова); слева — И. А. Бунинъ, Ф. И. Шаляпинъ, худ. И. К. Крайторъ, А. Р. Ледницкій и К. А. Коровинъ.

И вотъ, что-же вдругъ случилось? Сатана сталъ на колѣни передъ королемъ, — по всей Россіи прокатился умопомрачительный слухъ: Шаляпинъ сталъ на колѣни передъ царемъ! Толкамъ объ этомъ, возмущенію Шаляпинымъ не было конца; Амфитеатровъ былъ такъ возмущенъ, что возвратилъ Шаляпину его фотографическую карточку съ дружеской надписью. И сколько разъ потомъ оправдывался бѣдный Шаляпинъ въ этомъ своемъ прегрѣшеніи! А какое-же было прегрѣшеніе?

— Какъ же мнѣ было не стать на колѣни? — говорилъ онъ. — Былъ бенефисъ императорскаго опернаго хора, вотъ хоръ и рѣшилъ обратиться на высочайшее имя съ просьбой о прибавкѣ жалованья, которое было престо нищенскимъ, воспользоваться присутствіемъ царя на спектаклѣ и стать передъ нимъ на колѣни. И обратился и сталъ. И что-же мнѣ, тоже пѣвшему среди хора, было дѣлать? Я никакъ не ожидалъ этого колѣнопреклоненія, какъ вдругъ вижу: весь хоръ точно косою скосило на сценѣ, — весь онъ оказался на колѣняхъ, протягивая руки къ царской ложѣ! Что же мнѣ было дѣлать? Одному торчать надъ всѣмъ хоромъ телеграфнымъ столбомъ? Вѣдь это же былъ — бы форменный скандалъ!

Въ Россіи я видѣлъ его въ послѣдній разъ въ началѣ апрѣля 1917 года, въ дни, когда уже пріѣхалъ въ Петербургъ Ленинъ, встрѣченный оркестромъ музыки на Финляндскомъ вокзалѣ, когда онъ тотчасъ же видѣлся въ особнякѣ Кшесинской. Я въ эти дни тоже былъ въ Петербургѣ и вмѣстѣ съ Шаляпинымъ получилъ при-

глашеніе отъ Горькаго присутствовать на торжественномъ сборищѣ въ Михайловскомъ театрѣ, гдѣ Горькій долженъ былъ держать рѣчь по поводу учрежденія имъ какой-то «Академіи свободныхъ наукъ». Не понимаю почему, мы съ Шаляпинымъ явились на это во всѣхъ смыслахъ нелѣпое сборище. Горькій держалъ свою рѣчь весьма долго и высокопарно и затѣмъ объявилъ:

— Товарищи, среди насъ Шаляпинъ и Бунинъ! Предлагаю ихъ привѣтствовать!

Залъ сталъ бѣшено аплодировать, стучать ногами и вызывать насъ. Мы скрылись за кулисы, какъ вдругъ кто-то приобѣжалъ велѣдъ за нами, говоря, что залъ требуетъ, чтобы Шаляпинъ пѣлъ. Вышло такъ, что Шаляпину опять надо было «становиться на колѣни». Но онъ рѣшительно сказалъ приобѣжавшему:

— Я не трубочистъ и не пожарный, чтобы лѣзть на крышу по первому требованію. Такъ и объявите въ залѣ.

Приобѣжавшій скрылся, а Шаляпинъ сказалъ мнѣ, разведя руками:

— Вотъ, братъ, какое дѣло: и пѣть нельзя и не пѣть нельзя. — вѣдь въ свое время вспомнить, на фонарѣ повѣсить, черти. А все таки пѣть я не стану.

И такъ и не сталъ, несмотря на ревъ изъ зала.

А въ прошломъ году, въ июль, я слушалъ его въ послѣдній разъ въ Парижѣ. Онъ давалъ концертъ, пѣлъ то одинъ, то съ хоромъ Афонскаго. Думаю, что уже и тогда онъ былъ тяжело боленъ. Волновался онъ, по крайней мѣрѣ, необыкновенно. Онъ всегда волновался, при всѣхъ своихъ выступленіяхъ, — это дѣло обыч-

ное: я видѣлъ, какъ вся тряслась и кристилась передъ выходомъ на сцену Ермолова, видѣлъ за кулисами послѣ сыгранной роли Ленскаго и даже самого Росси, — войдя въ свою уборную, они падали просто замертво, были блѣдны какъ смерть. То же самое бывало, думаю, и съ Шаляпинымъ, только прежде публика этого никогда не видала. Но на этомъ, послѣднемъ концертѣ она видѣла, и Шаляпина спасалъ только его великій талантъ жестовъ, интонацій. Изъ за кулисъ онъ прислалъ мнѣ записку, чтобы я зашелъ къ нему. Я пошелъ. Онъ стоялъ какъ въ туманѣ, держа цашпрусъ въ дрожащей рукѣ, тотчасъ спросилъ меня:

— Ну, что, какъ я пѣлъ?

— Конечно, превосходно, дорогой мой, — отвѣтилъ я.

И пошутили:

— Такъ хорошо, что я все время подпѣвалъ тебѣ и очень возмущалъ этимъ публику.

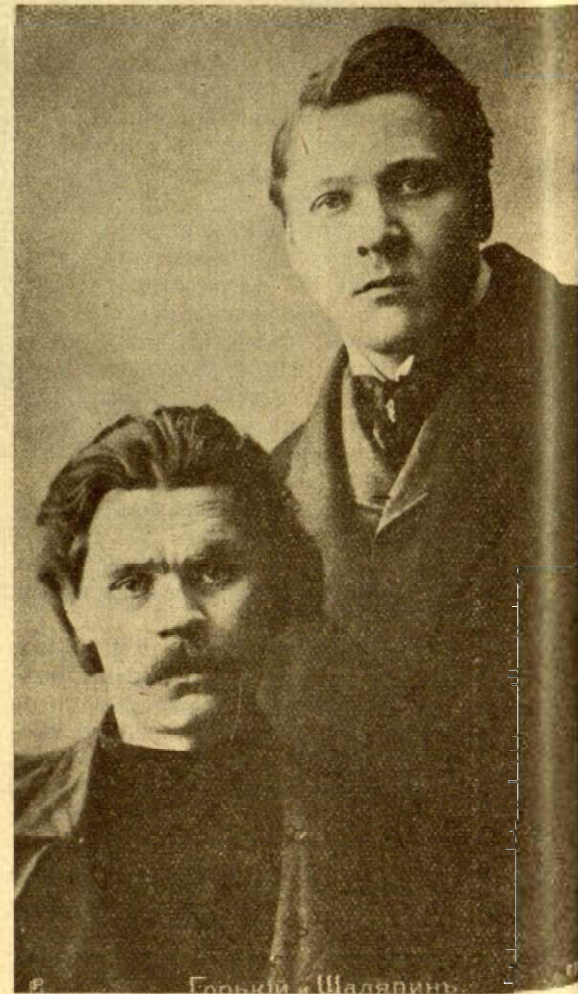
— Спасибо, пожалуйста подпой, — отвѣтилъ онъ со смутной улыбкой. — Мнѣ, братъ, нездоровится, уѣзжаю въ Австрію, въ горы. А ты?

Я опять пошутили:

— Да мнѣ что-жъ уѣзжать, я почти всю зиму провелъ въ горахъ: то Монмартръ, то Монпарнась.

Онъ разсѣянно и ласково улыбнулся.

Ив. Бунинъ.

Съ открытки 900-хъ годовъ.

Умеръ Шаляпинъ...

Умеръ Шаляпинъ. Какъ горько и какъ неожиданно! Умеръ посланный на землю любимецъ Аполлона. Великій артистъ, пѣвецъ и художникъ. Слава Россіи! Солнечное озареніе, которое было въ театрѣ.

Мы все помнимъ дивные образы, которые создавалъ талантъ этого гениальнаго артиста. Создавалъ въ недосыгаемомъ совершенствѣ.

Я помню его юнымъ богатыремъ. Какой силы жизни былъ этотъ человѣкъ!

При мнѣ зрѣла быстро его творческая сила.

Я никогда не видалъ болѣе веселаго и жизнерадостнаго человѣка.

Съ самаго начала его артистической карьеры мнѣ пришлось быть съ нимъ почти неразлучнымъ, какъ въ театрѣ, такъ и въ жизни.

Онъ сдѣлался пріятелемъ и моимъ друзей художниковъ — Сѣрова, Врубеля, Полабнова и моихъ друзей охотниковъ, которыхъ я часто описывалъ въ моихъ разсказахъ.

Шаляпинъ часто гостилъ у меня въ деревнѣ во Владимірской губерніи.

Веселое было время!

Мы ѣздили съ нимъ на мельницу, на озеро, по рѣкѣ, жгли костры ночью въ лѣсу, ловили рыбу и художникъ Сѣровъ часто бывалъ съ нами.

Шаляпинъ любилъ купаться и великолѣпно плавалъ. Мельникъ Никонъ Осиповичъ тоже огромнаго роста и богатырскаго сложения, добрый старикъ, очень любилъ Шаляпина.

Мельница была бѣдная, а Никонъ Осиповичъ ранѣе былъ старшиной въ селѣ и пѣлъ на клароетѣ.

Пріѣзжая на мельницу я ставилъ палатку на лужкѣ у рѣки.

Слуга у меня былъ Василій Книжевъ — серьезный человѣкъ, рыбоводъ и бродяга. Вотъ въ этой палаткѣ мы и жили.

Сѣровъ не былъ охотникомъ, но любилъ ѣздить въ моей компаніи и любилъ Шаляпина. Сѣровъ былъ большой юмористъ и часто переходилъ съ Шаляпинымъ на «вы», когда Ф. И. увлекался въ разсказахъ.

У столика, на столбикахъ, гдѣ ольха отражалась въ кристальной водѣ, стоялъ самоваръ, закуски, гдѣ поднималась паръ, на которой высился огромный, какъ гребень еловый лѣсъ, гдѣ шумѣли колеса мельницы, летали стрижи, бороздя тихую, какъ зеркало воду крылышками, Шаляпинъ пойманъ большого шелеспера, весь блѣдный, дрожащими отъ волненія руками, хотѣлъ посадить его въ сажалку. Но шелесперъ выскользнулъ изъ рукъ, ушелъ въ воду, Шаляпинъ бросился за нимъ въ омутъ и вынырнувъ, кричалъ, глядя на меня.

— Это что же у тебя какія сажалки! Чортъ его теперь поймаешь.

— Трудно вамъ его будетъ поймать, — сказалъ Сѣровъ смѣясь.

Шаляпинъ вылезалъ на берегъ растроенный, весь въ тинѣ.

— Ну и горячъ ты парень, — говорилъ Никонъ Осиповичъ.

Шаляпинъ снималъ мокрое платье, а Василій Книжевъ стаскивалъ съ него сапоги.

Никонъ Осиповичъ принесъ новую рубашку, портки, валенки. Шаляпинъ все-таки былъ не въ духѣ, и продолжалъ повторять:

— Какъ онъ у меня выскользнулъ. У тебя же дыра мала въ сажалкѣ.

— Успокойтесь Федоръ Ивановичъ, — говорилъ Сѣровъ.

— Да чего же, — сказалъ Книжевъ, — еще нимаете.

Шаляпинъ понемножку пришелъ въ себя. Пилъ чай у столика съ Никонъ Осиповичемъ. Закусывалъ и все же немножко негодовалъ, какъ будто мы были виноваты, что у него выскользнулъ шелесперъ.

На другой сторонѣ рѣки противъ палатки и столика я и Сѣровъ писали съ натуры на холстѣ. А Шаляпинъ съ Никонъ Осиповичемъ потчевались за столикомъ. Пили водочку и Никонъ Осиповичъ пѣлъ Шаляпину «Лучиниушку» и Шаляпинъ ему подпѣвалъ. А потомъ ушелъ въ палатку и спалъ до вечера.

Никонъ Осиповичъ подошелъ къ намъ:

— Эхъ, — сказалъ, — ну и парень хорошъ Шаляпинъ, только горячъ больно. Ка-

зовой парень. Выпилъ съ нимъ, согрѣлся, конечно, онъ меня и спрашиваетъ, спой ка, говоришь, пѣсеню, какую знаешь, старую. Я ему «Лучиниушку» и пою, а онъ тоже поетъ.

— А какъ же, вѣдь онъ пѣвчій, — сказала я.

— Э!.. То-то втору то онъ ловко держитъ. Ну и голосъ у него хорошъ, мать честная, вотъ хорошъ. До чего есть, такъ вотъ прямо въ нутро идетъ, такъ пою я, не сдержался, плачу... Смотрю-ка, гляжу, и онъ плачетъ. Вотъ и пѣди. Ишь чего пѣвчій! Гдѣ же онъ поетъ то?

— Въ театрѣ, — говорю.

— А жалованья то сколько подучаетъ?

— Сто цѣлковыхъ за пѣсеню подучаетъ.

Никонъ Осиповичъ пристально посмотрѣлъ на насъ съ Сѣровымъ и сказалъ разсмѣявшись:

— Ну полно врать.

Шаляпинъ показавъ у палатки и смотрѣлъ, какъ Василій Книжевъ варилъ уху и говорилъ:

— Чего тужить, Федоръ Ивановичъ. Вѣдь Шелесперъ рыба дрянн, скуса вѣтъ. У насъ здѣсь налимы, окуни, это уха.

— Шелесперъ то не дуракъ, — сказалъ Сѣровъ.

— Ты знаешь ли, Константинъ Алексѣичъ, — кричалъ Шаляпинъ черезъ рѣку. — Вотъ здѣсь вотъ у лѣса я построю себѣ домъ.

НА АССАМБЛЕЕ У В. В. СТАСОВА

Въ концѣ прошлаго вѣка, на вечеринкѣ у художественнаго критика В. В. Стасова. Слева направо: Римскій - Корсаковъ, Глазуновъ, Д. Стасовъ, Шаляпинъ, Кюи, С. и Ф. Блюменфельды и В. Стасовъ. Сидитъ третья справа — М. Г. Савина.